

УДК 27-36

DOI: 10.28995/2658-4158-2024-1-33-66

К вопросу о жанре Passio Perpetuae et Felicitatis

Нина В. Брагинская

*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, 1satissuperque@gmail.com*

Сергей Н. Давидоглу

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт перевода Библии, Москва, Россия, mail@davidoglu.ru*

Аннотация. Раннехристианские жанры, которые в древности именовали «страстями» и «матириями», иногда «актами», не имели четких жанровых границ. Литературные рамки и верность жанровым дефинициям не были важны христианам, писавшим о мученичестве. Они часто писали Послания, потому что хотели рассказать собратям по вере о подвигах мучеников, часто опирались на подлинные протоколы судов и рассказы очевидцев, нередко восхваляли страстотерпцев, использовали мартирии как богослужебные тексты. Мартирология постепенно перетекала в агиографию с ее поджанрами. Но и на этом фоне «Страсти Свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших» имеют особенно ускользающую жанровую природу. Традиционное название «Passio» подходит к его основной теме, однако произведение состоит из множества частей, написанных разными авторами. В подготовке этого свода документов принимали участие по меньшей мере пять лиц (общее мнение, что три). Причем не одновременно. Эти пятеро имели разный статус и разные задачи. Богослов и автор Пролога и Эпилога говорил проповедь и прославлял мучеников, Перпетуя создавала для своей общины внежанровые записки о событиях в тюрьме, главным образом о своих посылаемых ей Святым Духом сновидениях: небесное путешествие, два путешествия в загробный мир, символическое сновидение о грядущем мученичестве как победе над дьяволом. Сновидение о собственном и Перпетуи посмертии, несколько напоминающем апокалиптику, но как события уже за гранью земной жизни, записал Сатур; анонимный Очевидец создал рассказ о том, что происходило

в тюрьме и на арене, очень яркий, но не выполняющий минимальных условий актов и мученичества: допрос, приговор, казнь, погребение, культ. Пятый автор свел все тексты воедино и снабдил поясняющими вставками, превращая тем самым целое функционально в Послание, которое может быть отправлено из Карфагена в большой мир и читаться в церкви.

В результате возникла такая книга, для которой нет никаких аналогий в античной литературе, и попытки определить ее через жанры античной литературы как в целом, так и по частям оказываются безуспешны. Однако жанр документальной книги, написанной разными авторами не одновременно, в разных жанрах, включающих апокалиптику, деяния и страсти, проповеди, послания, видения, сложился ко времени написания нашего *Пассио* как целое Нового Завета, причем все разнородные тексты, хотя и самостоятельны, посвящены одному большому событию: жизни, смерти, воскресению Христа и созданию его Церкви. Новый Завет как целое и послужил жанровой моделью для «Страстей свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших».

Ключевые слова. Перпетуя, Фелицитата, жанр, страсти, *passio*, акты, мученичества, мученики, Маккавеи, Новый Завет, Деяния, Послания, Записки, Видения

Для цитирования: Брагинская Н.В., Давидоглу С.Н. К вопросу о жанре *Passio Perpetuae et Felicitatis* // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2024. № 1. С. 33–66. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-1-33-66

On the genre of *Passio Perpetuae et Felicitatis*

Nina V. Braginskaya

HSE University, Moscow, Russia, 1satissuperque@gmail.com

Sergei N. Davidoglu

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute for Bible Translation, Moscow, Russia, mail@davidoglu.ru*

Abstract. Early Christian genres called in antiquity “passions” and “martyrias” or “acts” had no clear genre boundaries. Neither literary frameworks were established, nor fidelity to generic canon was much important to Christians who wrote about martyrdom. They often wrote epistles because they wanted to tell their fellow believers about the deeds of the martyrs, often relied on authentic records of trials and eyewitness accounts, often praised the passion-bearers, and used martyrologies as liturgical texts. Martyrology gradually developed into hagiography with its subgenres. But even against this background, the “Passion of Perpetua and Felicitas” demonstrates exclusively elusive generic nature. The traditional title “*Passio*” corresponds

to the content of the text under discussion. However, the work is made up of many parts written by different authors, not simultaneously, and combined into a single book. At least five persons were involved in the compilation of this set of documents (the *communis opinio* – three persons). These five had different statuses and different tasks. Theologian and author of the Prologue and Epilogue preached and glorified the martyrs, Perpetua created extra-genre commentaria or hypomnemata for her congregation about the events of the prison, mainly about her dreamy visions given to her by the Holy Spirit: a heavenly journey, two journeys to the underworld, and a symbolic dream of the coming martyrdom as a victory over the devil. The Vision of Saturus has apocalyptic features, but what he saw he saw as if already beyond his earthly life; the Eyewitness created an account of what happened in the prison and in the arena, very vivid, but not fulfilling the minimum conditions of acts and martyrdoms: interrogation, sentence, burial, cult. The fifth author brought all the texts together and provided explanatory inserts, thus turning the whole functionally into an epistle that could be sent from Carthage to the larger world to be read in the Church.

The result is a genre to which there are no analogues in ancient literature, and attempts to define this book through the genres of ancient literature both as a whole and in parts are unsuccessful. However, the genre of the documentary book, written by different authors at different times, in different genres, including apocalyptic, acts and passions, sermons, epistles, and visions, had emerged by the time of our *Passio* as the whole collection of the New Testament, with all the disparate texts, though independent, all dealing with one great event: the life, death, and resurrection of Christ and the establishment of his church. It served as a model for the compilation of the “Passion of Perpetua and Felicitas”.

Keywords. Perpetua, Felicity, genre, passion, passio, acts, martyria, martyrdom, martyrs, Maccabees, New Testament, Acts, Epistles, Notes, Visions

For citation: Braginskaya, N.V. and Davidoglu, S.N. (2024), “On the genre of *Passio Perpetuae et Felicitatis*”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 33–66, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-1-33-66

Введение

Новые жанры христианской литературы – именуемые ныне Актами, или Деяниями, Мартириями, или Мученичествами, и *Passiones*, или Страстями – опирались на протоколы судебных допросов христиан, как «Мученичество св. Иустина философа» или «Акты Скилитанских мучеников»¹; на свидетельства оче-

¹ Благодаря климату Египта до нас дошли папирусные фрагменты таких протоколов, современные самим событиям в Александрии [Huebner 2019].

видцев опирались Мартирии и Страсти, такие как «Мученичество Поликарпа» и «Послание Лионских и Вьеннских христиан церквам в Азии и Фригии». Но со временем мартирологическое содержание подлило многообразное воплощение. Цели мартирологической литературы понимают по-разному: и как сохранение памяти и групповой идентичности [Burgus 2008; Castelli 2004; Cobb 2008], и как часть литургии [Young 2001], как побуждение к самосозиданию [Perkins 1995]², и как непосредственную подготовку к мученичеству [Kelley 2006], и как возбуждение зрительных эмоций [Frilingos 2004; Barton 1994; Thompson 2002]³, как богословское выстраивание отношения человека с Богом [Boyarin 1999; Middleton 2006], и как апологетический дискурс [Moss 2010, p. 16], и др. Все это содержание, направленное на важные жизненные практики, не охватывается средствами традиционной (дефинитивной) поэтики, и потому исследователи прибегают не только к классификации по набору признаков, но и к различным новым способам разграничения и сопоставления, например к теории «семейного сходства», восходящей к Витгенштейну, к так называемой прототипической теории, которая часто сводится к выявлению первого образца, к вопросу о функции или некой литературной природе.

* * *

К. Хопкинс считал, что “*Passio*” Перпетуи и Фелицитаты⁴ отвечает представлению об Актах мучеников, которые «были новым жанром христианской литературы, изобретенным во втором веке» [Hopkins 1999, p. 114]. Однако один из лучших исследователей ранних христианских мученичеств, и в частности нашего “*Passio*”, Ян Бреммер, указывает на поздний характер самого термина «Акты мучеников»: это современная конструкция, предполагающая тематическое, но не жанровое единство разнородных произведений, которые именуются и актами, и страстями, и мартириями⁵. По остроумному замечанию Бреммера, сам выход в 1972 г. сборника исторических мученичеств Г.Э. Музурилло под названием «Акты христианских мучеников» [Musurillo 1972], а на пару десятилетий ранее сборника «Акты александрийских мучеников» [Musurillo 1954]

² Более подробно см.: [Frilingos 2004, pp. 118–120; Recla 2014; Edwards 2007, pp. 207–220].

³ Более подробно см.: [Coleman 1990; Kyle 1998].

⁴ Здесь и далее «Страсти Свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших» будут сокращенно обозначаться как “*Passio*” или «Страсти».

⁵ Само название *Acta Martyrum* является изобретением Нового времени, впервые использованным в XVI в. для обозначения протестантских мучеников [Bremmer, Formisano 2012, p. 6; Bremmer 2017, p. 350].

создал впечатление гомогенности состава этого корпуса [Bremmer, Formisano 2012, p. 6]. Публикации Музурилло подготовили почву для того, чтобы тексты определенной тематики – независимо от религиозной принадлежности жертв – оказались вместе с христианскими мученичествами в одном жанровом ряду. Хотя Музурилло подчеркивает точки соприкосновения между «актами языческих мучеников» и христианскими *Passiones*, однако сходство ограничивается тем, что эти папирусные «документальные» и «литературные» тексты сообщают о смертных приговорах александрийским гражданам, которые выносил им императорский суд [Harker 2009]. Они варьируют от формальных, возможно, стенографических, протоколов судов и фрагментов исторических трудов до литературных композиций, в которых А. Харкер находит сходство с романами, во всяком случае, в текстах распространенных и эмоциональных⁶. Сюда относятся копии официальных документов, тексты, вдохновленные императорскими визитами в Александрию, и отчеты посольств александрийских греков в Рим (часто с жалобами на александрийских иудеев). В таком контексте «мученик» – это тот, кто умирает героической смертью, предпочитая ее подчинению требованиям властей, обычно представленным фигурой тирана. При этом «мученик» может обвинять императора, например, в финансовых махинациях, так что часто речь идет об «оскорблении величества», *crimen maiestatis*, что вменялось в вину и христианам.

Мучениками, помимо и до христиан, были также так называемые «Мученики Маккавейские». Религиозные гонения Антиоха Эпифана имеют гораздо больше общего с гонениями на христиан, так как казни подвергаются те, кто не готов нарушить заповеди своего Бога. А сам рассказ Второй Маккавейской книги (гл. 6 и 7), написанной задолго до возникновения христианства, представляет собою допрос царем Антиохом старца Элеазара и семерых братьев одного за другим. Здесь есть и увещания царя, в том числе

⁶ Что касается романов, то при всей их условности они естественно изображают именно драматические события, такие как столкновения и прения в суде, приговоры, казни и описания достойного поведения главных героев, когда им угрожает страсть или вражда власть имущих. Это сходство никак не дает оснований считать исторические свидетельства, в том числе эмоционально написанные, чем-то «романным», т. е. вымыслом. Заметим, однако, что апелляция к античному роману стала в последние десятилетия «дежурной». Греческий роман, не так еще давно маргинальное для науки о древности явление, за последние десятилетия стал необыкновенно популярным в западной науке и теперь бросает отблеск (или тень?) на самые разные тексты поздней античности.

обращенные к матери, чтобы она пожалела своих детей, особенно младшего, и убедила их вкусить идоложертвенное и стать «друзьями» царя, и твердые ответы всех мучеников, и высказывание ими основ своей веры, и описание их невероятной способности переносить неслыханные пытки и неколебимой твердости в вере. Эти тексты, тем самым, предвосхищают содержание и структуру христианских актов и мучеников. Уже в III и IV вв. так называемые Маккавейские мученики почитаются христианами⁷, над их антиохийской гробницей воздвигнута базилика (возможно, на месте синагоги), они были признаны «мучениками, умершими за Бога до Христа», когда ад еще был полновластен⁸. Обвинения, предъявляемые александрийским свободолюбивым грекам, обвинения евреев, противящихся обращению их в язычество, и обвинения христиан, отказывающихся от принесения жертв за здоровье и благополучие императора, имеют некую общность: они обнаруживают противостояние отдельного человека мощи сакрализованной власти. Но на этом сходство заканчивается. В названии «Акты александрийских мучеников» термин «акты» отсылает к протоколам, а «мученик» относится к человеку, который героически умирает, предпочитая смерть подчинению требованиям властей, обычно представленной фигурой тирана. Здесь речь о личном достоинстве, чести, а не о вере и верности Богу.

Сердцевиной «актов» названных глав Второй Маккавейской, а также Четвертой Маккавейской книги, автор которой посвятил распространению и комментарию к этим главам все сочинение, были прения с выносившим приговор царем Антиохом и отказ от присоединения к языческому жертвоприношению⁹. Сердцевиной

⁷ См.: *Origenes*. Exhortatio ad martyrium, 22 (PG, vol. 11, p. 589–592); *Gregorius Theologus*. Oratio XV. In Machabaeorum laudem (PG, vol. 35, p. 911–934); *Ioannes Chrysostomus*. In sanctos Maccabaeos et in matrem eorum. Homilia 1; In sanctos Maccabaeos. Homilia 2; In sanctos Maccabaeos. Homilia 3 (PG, vol. 50, p. 617–628); *Ambrosius Mediolanensis*. De Iacob et vita beata. II.10 (PL, vol. 14, p. 632–633).

⁸ «Всякий умерший за Бога умер за Христа»; «она (мать семерых. – *Авт.*) сражалась, когда благодать еще не сошла на землю, когда врата смерти еще были заперты, пламя греха не потушено, когда смерть еще не обошли» (*Ioannes Chrysostomus*. In sanctos Maccabaeos et in matrem eorum (PG, vol. 50, p. 622); перевод см.: [Книги Маккавеев 2014, с. 519, примеч. 133–135].

⁹ Еще Френд возводил к Маккавейским временам рождение схемы христианских мученических Актов [Frend 1967, p. 22]. Это представление было развито в многочисленных трудах Ван Хентена [van Henten 1986; van Henten 1993; van Henten 1997; Avemarie, van Henten 2002]

христианского мартирологического текста был допрос христианина судьей, кульминацией которого становилось признание *Christianus(a) sum*: «Я христианин» [Bremmer, Formisano 2012, p. 7]. Допрос может включать прения с судьей, продолжаться рассказом о казни и завершаться сообщением о погребении останков. Допросу могут быть предпосланы сообщения о героях мученичества, их жизни и обстоятельствах ареста. Ранние мученичества, такие, как «Мученичество Поликарпа» и «Послания Лионских и Вьенских христиан церквам Азии и Фригии», вписаны в жанр Послания, и действительно предназначались для отправки христианским общинам, как и Послания апостолов. К ним примыкает и Послания Игнатия Антиохийского, которые можно сопоставить по обстоятельствам создания с *Записками* Перпетуи: эти тексты пишутся для собратьев по вере и в ожидании казни. Исходные протоколы, очевидно, были доступны для ознакомления, их можно было переписать, получить копию. Ранние христиане читали их в своих собраниях, чтобы назидать верующих, и некоторые из них стали основой церковной мартирологической и агиографической традиций [Bremmer, Formisano 2012, p. 6–7].

Рассказы о мученичествах, продолжая новозаветную традицию Деяний апостолов, могли также носить названия Деяний (*πράξεις* либо *μαρτύριον*), что мыслится соответствием латинским *acta*, а не обозначением лишь протоколов. Такие ранние Акты, как «Акты Скилитанских мучеников» и «Акты Иустина и его сотоварищей», а позднее «Акты Киприана – 1», состоят практически только из допроса, приговора, его исполнения и сообщения о погребении и почитании останков. Но уже расширенная версия «Акт Киприана – 2», по-видимому, предназначенная и, во всяком случае, пригодная не только для Карфагенской общины, но и для отправки в качестве послания, рассказывает историю изгнания епископа и возвращения его в Карфаген, добавляет важные подробности и пояснения. К историческим в своей основе Актам могут добавляться самые разные рассказы и сведения о том, что предшествовало мученичеству: обстоятельства ареста и казни, а также личности и биографии участников событий, письма узников, их сновидения, чудеса, апологии и т. д.

Конечно, классифицировать мученичества можно по географическому или хронологическому принципу, по профессии или статусу главных героев – священники, воины, рабы и т. д. – в нашем случае, уникальном, схвачены катехумены. Но это не жанровые характеристики.

и стало общим местом, против которого высказывался решительно, пожалуй, только Глен Боверсок [Bowersock 1995, p. 72].

Если же мы обратимся к классификации мученичеств Ипполита Делеэ, то наше “*Passio*” попадает в категорию *les passions historiques*, так как почти всё – зрелище в амфитеатре и предшествующие ему события – описаны очевидцем и современником, а также самими арестантами. Но и панегирики мученикам, которые Делеэ находил в проповедях IV в.¹⁰, представлены в нашем памятнике торжественным *Прологом* и *Эпилогом*. Так называемые *les passions épiques* представляют мученика героем, который противостоит злу, персонифицированному в судьбе или императоре¹¹, и Перпетуя, как и остальные герои, ведет себя именно так, а в четвертом видении она физически борется с персонификацией дьявола и побеждает. И это не «приукрашенное» изображение реальных событий, а символический пророческий сон. А сны существуют не только в сказках, но и в реальности, и образность их во многих случаях символична, но они не придуманы. Представление об эволюции мартирологии от исторического и достоверного к искусственному и даже вымышленному слишком прямолинейно, среди поздних описаний мученичеств встречаются исторически достоверные, а вымысел проникает в сочинения очень рано, например, в Деяния Павла и Феклы.

Впрочем, традиционное название нашего памятника – “*Passio*” – тем более ему подходит и словно в нем и «прорастает», что само слово *passio* и родственные слова встречаются в тексте неоднократно для обозначения того, что предстоит испытать катехуменам и что происходит с новокрещеными на арене (IV, 1, 10; V, 6; XI, 2; XV, 6; XVII, 1; XVIII, 9; XX, 5, 10).

В нашем “*Passio*” фактически отсутствует допрос мучеников. В своих *Записках* Перпетуя сообщает только тот миг, который касается ее самое: «Дошло дело до меня <...> На это Гилариан: “Христианка?” И я ответила: “Я христианка”» (VI, 2–4). Она говорит об уговорах отца и судьи пожалуй младенца (VI, 2–3) и жалеет отца, потерявшего от горя всякое самообладание: «Когда приблизился день игр, входит ко мне мой отец, раздавленный горем: и принялся рвать на себе бороду и бросать на землю, и падал ниц, и проклинал свои преклонные лета, и говорил такие речи, которые могли потрясти [или «растрогать». – *Авт.*] всё мироздание» (IX, 2). Из «протокола» в *Записках* присутствует также упоминание приговора *ad bestias* (VI, 6), имя прокуратора Гилариана и, как нам кажется, вставленное в текст Перпетуи из

¹⁰ *Delehayе H.* Les passions des martyrs et les genres littéraires. Brussels: Société des Bollandistes, 1921. P. 133–169.

¹¹ *Ibid.* P. 227–258. Эту категорию ученый подразделял на приключенческие, дидактические, идеальные, или идиллические, романы.

реального протокола чисто бюрократическое сообщение о том, что прокуратор Гилариан получил право меча от недавно умершего проконсула (VI, 3), имя которого во всех латинских рукописях перевернуто (*ibid.*).

Вместо богословского спора, вместо прений с правителем и/или судьей во время допроса, в описании Очевидца содержится сцена, когда мученики знаками грозят сидящему в своей ложе Гилариану: «Ты [караешь] нас, а тебя [покарает] Бог» (XVIII, 8). Тем самым детали актов есть, но полноценных актов нет. Вместо обработанного протокола – субъективные *Записки* Перпетуи, которая не стремится дать общую картину и сообщает подробности, касающиеся ее и ее отца. В описании казни всех мучеников недостает рассказа о погребении и почитании останков, столь важного для ранней Церкви. Таким образом, наш текст, даже имеющий сходство с *passio* и акта, и с этими достаточно аморфными «жанрами» не совпадает. Все эти «недостачи» говорят о том, что жанры актов, страстей и мучеников не сложились и строго не различались, а автор или авторы пишут свои свидетельства, не ощущая рамок жанрового канона.

“*Passio*” – произведение уникальное не только как один из первых текстов в истории христианства, описывающих, как происходит мученичество, но и по своему сложному составу. Среди других *passiones* и актов книга выделяется тем, что объединяет личные *Записки* Перпетуи о днях, проведенных в заточении после ареста; *Видение Сатуры* о посмертии и обретении Рая им самим и Перпетуей; *Рассказ* очевидца мученичества, что обычно составляет весь мученический; богословский *Пролог* и *Эпиграф* и объединяющие комментарии Редактора-Составителя. Таким образом, вместо описания событий, основанных на собственных свидетельствах и протоколах допроса, перед нами сложная композиция из разнородных произведений разных авторов. Общепринятое сведение «голосов» к трем [Bremmer, Formisano 2012, p. 5; Крюкова 2013, с. 44; Kitzler 2015, pp. 7, 20; Пантелеев 2017, с. 241–242; Cobb 2021, p. 2] не облегчает решения вопроса о жанре этого произведения.

В научной среде по сей день с большой интенсивностью продолжают дискуссии о жанре нашего “*Passio*”. Это и попытки подобрать подходящий жанр из числа традиционных для классической или иудейской словесности, и поиски источников, жанровые черты которых оставили в книге свой след. Как отмечает Т. Хеффернан, большинство рассуждений о жанре “*Passio*” приходят к «апофатическому» результату, перечисляя, чем этот памятник *не* является, поскольку “*Passio*” как целое не совпадает ни с каким античным или библейским жанром [Heffernan 2012, p. 3].

Познакомив читателя с мнениями различных исследователей о жанре “*Passio*”, мы назовем затем жанровую модель, предложенную Н.В. Брагинской, которая представляется нам наиболее соответствующей составу и структуре памятника¹².

В поисках жанра

Т. Хеффернан называет полдюжины разных жанров, черты которых сочетает в себе наше “*Passio*” [Heffernan 2012, p. 4], и указывает на разнотилые частей нашего памятника. В качестве параллелей Т. Хеффернан приводит Послание Павла к Филиппийцам, отправленное из тюрьмы (как, впрочем, и другие Послания Павла: к Ефесянам, к Филиппийцам, к Колоссянам и к Филемону), и добавляет к ним письма из заточения Бонхёффера и Кинга, а также «Письмо о Лионских и Вьеннских мучениках». Кроме того, называет жанр утешения (*consolation*) и указывает на существовавшие в Риме собрания последних слов знаменитых людей (*exitus illustrium virorum*, см.: Plin. Epist. V.5; VIII.12), на которые мог ориентироваться Рассказчик, приводя последние слова Перпетуи и Сатура (XX, 10; XXI, 4). Среди прочего Хеффернан называет *ὑπομνήματα* и *commentarii* – заметки, записки, комментарии, воспоминания, дневники. Но и термин «дневник», “*diary*”, принятый для нашего “*Passio*” в англоязычной литературе, не описывает жанр адекватно [Heffernan 2012, p. 4]. Текст, принадлежащий Перпетуе, но никак не озаглавленный, мы тоже отнесли к «свободному» жанру *ὑπομνήματα* и передали как «Записки». Действительно, Перпетуя не ведет подневных или периодических записей, не указывает, сколько времени прошло, но возвращается к своим *Запискам*, когда есть в том нужда и есть сама возможность писать. Дневник, как правило, не рассчитан на публикацию и не имеет цельного нарратива. Однако *Записки* похожи на дневник, созданный в чрезвычайных обстоятельствах, такие вели в Ленинграде блокадники, узники гетто. В отличие от обычного дневника, *Записки* имеют определенную тему и предназначались не для себя, но для распространения в общине. И это не мемуары, так как описываемые события в значительной степени происходят в настоящем и имажинативно – «в будущем», как и во *Видении Сатура*: это свидетельства действия Святого Духа. Правильнее говорить, что это не дневник и не автобиография, а рассказ о великих делах Божьих в жизни Перпетуи, который предназначается ее

¹² Впервые кратко изложено в: [Braginskaya, Lebedev 2023, pp. 238–240].

церкви. Для М. Формизано по литературной конструкции и способу воплощения ранние тексты мученичеств, включая и наше “*Passio*”, имеют некоторое сходство с таким языческим жанром, как роман [Formisano 2008, pp. 28–29]. Формизано имеет в виду прежде всего сны, вещие сны Перпетуи и Сатура. Но вещие сны, сны о посещении загробного мира с возвращением, встречи во сне с умершими близкими, включаются в самые разные античные и ближневосточные жанры [Ekroth, Nilsson 2018]. Взять хотя бы эпос, где героям во сне является то Афина, то умерший Патрокл, а спуск в преисподнюю и зрелище Элизия, как и возвращение оттуда, являются частью эпоса о Гильгамеше, Одиссеи, Энеиды. Если же говорить о путешествии и возвращении «души», то это, например, история Эра в конце «Государства» Платона. В романах тоже есть вещие сны, они даже сняты одновременно приемным отцам Дафниса и Хлои, которые выполняют затем веления неизвестного им бога с золотым колчаном и крыльями за спиной. Точно так же и в «сакральном романе» и ветхозаветном апокрифе «Иосиф и Асенет» один сон, возвещающий жениху и невесте их избранность друг для друга, снится им одновременно. Вещими снами наполнена агиографическая литература. Да и по сей день антропологи, которые собирают рассказы о снах в своих экспедициях, записывают сны и о встрече с умершим, и о будущем.

Иными словами, этот и другие мотивы или детали романов или иных античных жанров не могут служить основанием для отнесения обсуждаемого целого ни к роману, ни к другим античным жанрам, где есть сны.

В пионерской (для западной науки) работе Розы Зёдер при сопоставлении христианской агиографии и языческих романов речь идет преимущественно о внешних сходствах и о заимствовании мотивов, образов, сюжетных ходов, естественных в сочинениях авторов, получивших языческое образование, и вообще у современников [Söder 1932]. Спустя примерно 60 лет после этой работы в “*Society of Biblical Literature*” сложилась группа исследователей, сосредоточившихся на сравнительном изучении “*Ancient Fiction and Early Christian and Jewish Narrative*”, которая выпустила несколько книг таких сравнительно-сопоставительных исследований [Ancient Fiction 1998; Ancient Fiction 2005; Futre Pinheiro, Perkins, Pervo 2012]. Античные мотивы и риторика проникают в агиографию и мартирологию по мере разрастания «душеполезного» за счет документа и свидетельства. Хотя исследователи ставшей популярной истории карфагенских мучеников постоянно находили и находят литературные параллели с произведениями классической латинской и греческой литературы, включая Гомера и Вергилия, практически все они в высшей степени необязательны.

Так и «*Passio Perpetuae et Felicitatis*» изучали с точки зрения «интертекстуальности», отыскивая параллели преимущественно с античной литературой. Эти попытки кажутся нам натяжками и поисками в новом старого, в неизвестном известного. Но даже если признать в нашем тексте аллюзии к сценам героического поведения – от Гектора (потому что у него маленький сын, а он идет на смерть) до Лукреции (потому что она сама направляет в себя кинжал) и Хариты из «Метаморфоз» Апулея (которая тоже убивает себя мечом, отмстив убийце мужа), то эти «совпадения» не только не доказывают интертекстуальности, но и никак не могут продвинуть нас к вопросу о жанре целого¹³.

О мученичестве и страстях как, в свою очередь, о важных жанровых приметах греческого романа, восходящих в своих далеких сюжетных истоках к деяниям и страстям богов и героев, проходящих через смерть и воскресение, сто лет тому назад подробно писала О. Фрейденберг¹⁴, а в более близкие к нам времена о «страдающем я» в романе, о романе страстей и претерпеваний – Джудит Перкинс [Perkins 1995], об Эзопе – невинном страдальце, облыжно обвиненном в нечестии и казненном жрецами, Лоренс Вилс [Wills 1997]¹⁵ и др. Эти мифологические паттерны в большей мере проявлялись в апокрифических сочинениях, таких, как Деяния Павла и Феклы, и многих других, где историческое ядро, если оно было, основательно заслонено благочестивым вымыслом. Однако далекое мифологическое прошлое общего для греческих романов сюжета не дает оснований видеть такой же сюжет в историческом мученичестве Перпетуи и с нею пострадавших. Мученики умирают, уповая на воскресение. Таковы и Маккавейские мученики, но в этой связи никто о романе не заговаривал. Для конституирования

¹³ В качестве примеров такого подхода можно привести работу [Warwick 2018], а также: Zelli J. *The Passio Perpetuae and metamorphoses: the influence of genre on voluntary death scenes*. Master's Thesis. The University of Queensland, 2020. URL: https://www.academia.edu/42685256/The_Passio_Perpetuae_and_Metamorphoses_The_Influence_of_Genre_on_Voluntary_Death_Scenes (дата обращения 03.11.2023). Более подробный разбор таких, как нам представляется, поверхностных параллелей с конкретными случаями и подробной библиографией будет опубликован в эссе о литературных параллелях и интертекстуальности «Страстей» готовящегося к изданию комментария к «*Passio*».

¹⁴ Диссертация «Греческий роман как деяния и страсти» (1924) хранится в рукописи в частном архиве. См.: [Фрейденберг 1930; Фрейденберг 1995; Брагинская 2010; Braginskaya 2002].

¹⁵ См. также: [Брагинская 2007].

жанра идеи воскресения жертвы недостаточно: она питает слишком многое.

В случае нашего “*Passio*” можно говорить об источниках отдельных образов сонных видений, которые получает Перпетуя и которые преимущественно восходят либо к Откровению Иоанна и Евангелиям, либо к общенародным представлениям о загробье, где темно, жарко и мучает жажда¹⁶.

Жанровые особенности частей текста

Почти все, кто писал о жанре нашего “*Passio*”, сходятся в том, что разные авторские голоса создают разные типы произведений [Heffernan 2012, pp. 8–18; Kitzler 2015, pp. 7–13, 35–36]. Можно возразить, что в карфагенских мученичествах середины III в., а именно Мариана и Иакова, а также Луция и Монтана, включены письма мучеников и их сновидения. Однако каждое *Passio* написано одним анонимным автором, который включал и письма, и рассказы о сновидении в свое повествование. В Мартириях и Актах, как правило, передаются какие-то беседы христиан, их высказывания, особенно последние. Так выглядит описание событий в тюрьме и на арене и в нашем “*Passio*”. Еще Пио Франки де Кавальери указал на зависимость этих вставок от нашего “*Passio*”, о подражании и даже заимствовании из него образов и мотивов [Franchi de' Cavalieri 1900, pp. 7–14]. Но включение чего-либо в единый нарратив – это не то же самое, что соединение разнородных текстов, написанных разными людьми, в разных ситуациях, с разными целями и, вероятно в разное время.

Если определять жанры этих частей, то обращение к античным жанрам не очень нам поможет. Параллели к тюремным запискам перед казнью мы находим у двух авторов на большом временном расстоянии, оба они христиане: это Игнатий Антиохийский, прозванный Богоносцем (ок. 35 – ок. 110), и Боэций (480–524 [525 или 526]).

Игнатий, уже приговоренный к казни и «будучи в узах», отправляет Послания к малоазийским общинам, а затем и в Рим, где ему, как и Перпетуе и ее сомученикам, предстоит быть брошен-

¹⁶ Ближайший новозаветный контекст для адского жара и жажды – Лук 16:22–23; в греческих, так называемых «орфических», табличках повторяется мольба умершего к стражу загробного мира: «Я жажду, дай мне пить», ср.: [Онианс 1999, с. 195–292]. Представление о «жажде мертвеца» существует и в русской народной культуре поныне: [Сафронов 2016, с. 309; Разумова 2001, с. 120].

ным зверям. Послания – жанр, несомненно, известный античности, уже «обжит» новозаветной традицией как послание апостола – прежде всего Павла – церквам.

Хотя между Посланиями Игнатия и *Записками* Перпетуи есть нечто общее, и общее и отличное касается не жанра, а содержания. Объединяет Игнатия и Перпетую вера в возможность непосредственного общения со Христом: Перпетуя знала, что она может «беседовать с Господом» (IV, 2); Игнатий жаждет, чтобы звери истребили, перемололи его плоть, а посмертие свое видит мистически, «достигнуть Христа», стать «поистине учеником Христа» без какой-либо визуализации этой совместности¹⁷. Перпетуя и звероборство видит как панкратион с дьяволом в образе Египтянина, а получив во сне пророчество в виде небесного причастия среди мучеников, в раю, понимает, каким будет приговор и что надо «просить о крепости телесной»: она хочет выстоять, Игнатия же телесные мучения нисколько не заботят. Перпетуя тайнозритель, и для нее важны визуальные образы; Игнатий тоже тайнозритель, но с акцентом на тайне, а не зрении, находясь, подобно жертве, «в узах», он «понимает небесное», слышит лепет воды живой, зовущей его к Отцу, все это без видений и сновидений.

Боэций – Аниций Манлий Торкват Северин Боэций – аристократ, философ-неоплатоник, музыкальный теоретик, автор христианских богословских трактатов, переводчик с греческого научных и учебных книг, автор трудов по логике, комментатор Аристотеля, государственный деятель, сенатор, консул, в конце жизни первый министр королевства Теодориха, оклеветанный и впавший в немилость как участник заговора, провел перед казнью долгое время в тюрьме, где написал самое знаменитое свое сочинение «Утешение философией» в стихах и прозе. В 1883 г. Боэций признан конгрегацией обрядов Римской курии мучеником в диоцезе Павии, хотя смерть он принял не за веру. Христианин и богослов Боэций в своем последнем произведении ничем не выдал того Боэция, который ранее писал о Троице и задавался вопросами субстанциональности Отца, Сына и Святого Духа. Бог у него один, но диалог он ведет с явившейся ему в виде женщины Философией, как Парменид с Дикой, а Сократ с Диотимой. И к казни он готовился, как стоик.

И тем не менее вне вопроса о жанре стоит учесть то обстоятельство, что в конце V и начале VI в. именно в Равенну, Равенну Теодориха и Боэция, был перенесен культ Перпетуи и Фелицитаты,

¹⁷ Например: *Ignatius. Ad Romanos* // *The Apostolic Fathers. Vol. 1: I Clement. II Clement. Ignatius. Polycarp. Didache* / ed. and transl. by B.D. Ehrman. Cambridge (MA); L.: Harvard University Press, 2003. P. 269–283.

а их великолепные мозаичные изображения украсили Базилику Сан Аполлинаре Нуово и Капеллу дворца Архиепископа Равенны [Shaw 2020]. По нашему предположению, которому еще предстоит быть обнародованным, греческий перевод нашего “*Passio*” был создан в Равенне и вдохновлен несколько раз повторенным в декоре церковей мотивом препоясанного Христа-воина. Иными словами, при чрезвычайной редкости известных нам тюремных записок в античности (Сократ в тюрьме решил сделать то, чего не делал в жизни, и написал пэан Аполлону), можно вообразить, что сама мысль о создании тюремных записок в виде прозиметра возникла у Боэция при знакомстве с одновременно ярким и бесхитростным сочинением Перпетуи.

Перпетуя пишет о себе в первом лице. В *Записках* мы видим ее мучительные отношения с любящим отцом, ее тревогу о маленьком сыне, ее отношения с братом, матерью, теткой, ее вымаливание лучшей участи давно умершему младшему брату, описания обстановки, поведения стражей и заботливых диаконов, ее вдохновенность Святым Духом, проявляющуюся в сновидениях, и сами видения. О союзниках она говорит «мы», по имени называет только Сатура и только в видении. *Записки* автобиографичны, и за пределами семьи и непосредственной обстановки Перпетуя фиксирует только свое собственное общение со Святым Духом, который дает ей знать будущее и отвечает ее мольбам.

Автобиографией это не назовешь. Классическая литература вообще не знает автобиографии в современном смысле слова как хронологического повествования о жизни автора от рождения до момента написания текста с вниманием к его частной жизни¹⁸. В книге Т. Хага «Искусство биографии в античности» [Hägg 2012] нет упоминаний об автобиографии [Insley, Saint-Laurent 2018]. Цезарь пишет о себе в третьем лице, *Res Gestae Divi Augusti* написаны от лица Августа, но представляют собой отчет о правлении и благодеяниях, оказанных римскому народу. Рассказ «о себе» присутствует в ареталогических «Священных речах» Элия Аристида, и мы много узнаем о его болезнях и мучениях. Однако это не автобиография, но рассказ о жизненном эпизоде, в котором вмешательства божества помогали автору спастись. Подобные *элементы* автобиографизма встречаются и в сочинениях Плутарха и Лукиана.

Пространная автобиография Либания (279 глав!) о его жизни с детства, писавшаяся с 374 г. до смерти в 392 г., задумана вовсе не как автобиография, а как диатриба о роли Судьбы, удачи и неудачи в жизни человека. Но материалом послужила собственная жизнь

¹⁸ См. о жанровых классификациях: [Niggel 2005, S. 1–13].

Либания, и получилась автобиография¹⁹. Как бы ненароком, под видом диатрибы. После Либания его ученик, Григорий Назианзин, и тоже уже на склоне лет пишет поэму почти на 2000 стихов «О себе самом» (или «О своей жизни»). Ямбические, обличительные по семантике метра стихи рассказывают о горестях и бедствиях, о кознях и предательствах, подлости и низости, с которыми пришлось столкнуться, но не повествовательно, без деталей и почти никого не упоминая: «И в этой распре, более влекомые / Страстями, чем рассудком, и мое они / Решили дело разобрать злосчастное, / Подняв постановления отжившие, / Да и не связанные вовсе с делом тем. / В них не было вражды ко мне иль замысла / Дать кафедру другому. Но хотелось им / Меня возведшим досадить, о чем они / Мне сами доверительно поведали» (Greg. Naz. De vita sua, 1807–1815; пер. А. Зуевского)²⁰. Следом – «Исповедь» Августина – два новых жанра разом, где детству, юности, описанию своих заблуждений и исканий автор уделит бóльшую часть: 9 из 13 книг. Однако весь рассказ устремлен к концу – к обращению, а главной темой Исповеди оказывается не сам Августин, но Бог, к которому он приходит [O'Donnell 2005; Fredriksen 2012]. Мы видим, таким образом, что ни дневником, ни автобиографией *Записки* Перпетуи не являются. Самая впечатляющая и неожиданная часть всего корпуса не имеет античного образца²¹.

¹⁹ Это произведение, очень большое, помещается в его собрание речей как первая речь.

²⁰ «ἐν πολλοῖς δὲ τοῖς κινουμένοις / θυμοῦ τὸ πλεῖον ἢ λόγου κινήμασιν / καὶ τῶν ἐμῶν τι μικρότερον ἐπεσκόπουν / νόμους στρέφοντες τοὺς πάλαι τεθηγκότας, / ὃν πλεῖστον ἡμεῖς καὶ σαφῶς ἐλεύθεροι / οὐ μὴν πρὸς ἐχθραν τὴν ἐμὴν οὐδὲ θρόνον / σπεύδοντες ἄλλω, οὐδαμῶς, ὅσον πόνῳ / τῶν ἐνθρονιστῶν τῶν ἐμῶν, ὡς γοῦν ἐμέ / σαφῶς ἐπειθον λαθρίοις δηλώμασιν» (Gregor von Nazianz. De vita sua: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar / Hrsg. von C. Jungck. Heidelberg: Winter, 1974). Русский перевод цитируется по изданию: Свт. Григорий Богослов. De Vita Sua. Стихотворение, в котором святой Григорий рассказывает свою жизнь / пер. с древнегр. иерея А. Зуевского. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2010. С. 138.

²¹ Античная литература не знает автобиографии до позднего времени, потому и классическая филология заинтересовалась таким явлением, как автобиография в античности, в середине прошлого века, что для этой древней науки очень поздно: ([Misch 1951]; см. также комментарий: [Momigliano 1993, p. 18]), а в последнее время к ним добавились три отредактированных сборника: [Baslez, Hoffmann, Pernot 1993; Marasco 2011; Reichel 2005]. За исключением исследований отдельных текстов, в частности значительной библиографии, посвященной Августину и «Исповеди» (см., например: [Brown 2000; O'Donnell 1992; Quinn 2002; Vessey 2012]).

Самая ранняя история своей жизни возникает у маргинального для классики автора – Иосифа Флавия, а его полноценная автобиография пишется как апология – из потребности «объясниться». Сама же идея описать свою собственную жизнь могла возникнуть у него под влиянием библейского автобиографизма. Так, в Библии, как пишет С.С. Аверинцев, «никто не стыдится страдать и кричать о своей боли» [Аверинцев 1997, с. 64]. Библейские авторы также не считают мелкими никакие подробности семейной жизни. И о жизни и личности Апулея мы узнаем больше всего из его Апологии, хотя считать ее автобиографией не приходится. Апологический импульс действует и в автобиографических сочинениях христианских авторов [McGuckin 2001; Elm 2015].

По-видимому, раннехристианские жанры не берут готовые модели из античной литературы.

На этом фоне нас поражает автобиографизм Перпетуи, как мы попытались показать, он не восходит к античной литературной традиции и не может быть из нее понят и объяснен. Своеобразие сочинения Перпетуи очевидно, но если думать о литературных моделях, то в первую очередь вероятно, следует обратиться к Библии. Античного читателя должно было шокировать упоминание о том, что, когда отец забрал у Перпетуи ребенка, у нее не сделалось мастита. За пределами медицинской литературы этот случай, вероятно, единственный в своем роде. А в Книге Бытия самый почтенный персонаж библейской истории Авраам устраивает пир по поводу того, что Исаака отняли от груди (Быт 21:8). Все события семейной жизни, женитьба, измена, рождение ребенка, болезнь ребенка, разлука с родителями, встреча с ними, все это сообщается, все важно для книг Библии. Однако особую роль играют, конечно, автобиографические части пророческих книг. Иеремия сообщает о трудных и мучительных отношениях с родными, а пророк Осия рассказывает об одновременно почти непристойном откровенном бытовом (об изменах жены) и символическом, так что исследователи до сих пор не могут согласиться в вопросе о том, реальные он описывает отношения, или же это лишь аллегория отношений с Израилем²². Пророческая литература изобилует описанием снов, имеющих все признаки настоящего сна, но, бесспорно, символических и толкуемых как самим пророком, так и ангелом или каким-то знаком свыше. Как и в пророческих речах, в *Записках* Перпетуи мы видим очень близкие отношения с родными, но при полном отсутствии биографического нарратива (например, никаких обстоятельств жизни, предшествовавших аресту [Heffernan 2012, p. 4]).

²² Например: [Andersen, Freedman 1983, p. 68].

Видения Перпетуи и Сатура не могут не напомнить апокалиптику, жанр преимущественно иудейский, данный христианам в Откровении Иоанна. Знакомство с этой частью Нового Завета подтверждают несколько образов из того и другого сновидений, они содержат ряд схожих черт: описание небес (IV, 8–9; Откр 4:1–11 и др.), небесных существ и провожатых (XI, 2–10; Откр 10:8–11; 17:1–3 и др.), событий будущего (IV, 1; Откр 1:19 и др.) [Scott 2010; Орлов 2021; Орлов 2018; Himmelfarb 1993]. При всем при том эти видения имеют существенные отличия от иудейской и раннехристианской апокалиптической литературы. Буквально апокалиптическими видения Перпетуи считать нельзя, потому что это не видения, посещающие ее наяву, так что здесь могли быть свидетели и нет посредника (ангела или кого-то иного), который показал или истолковал бы непонятный ей самой пророческий смысл ее видений. Она понимает, что они значат, сама. Вся иудейская и большая часть раннехристианской апокалиптики псевдоэпиграфична, тогда как в “*Passio*” авторы известны и достоверны. Кроме того, в “*Passio*” откровение дается не о судьбе мира, а о судьбе Перпетуи и ее сомучеников.

Если рассматривать видения по отдельности, то первое видение скорее похоже на небесное путешествие, напоминающее раннесредневековые «хождения» в Рай; второе и третье видения – это путешествия в загробный мир, четвертое же видение – символическое пророчество о ее мученической смерти как победе над дьяволом.

Что же касается *Пролога* и *Эпилога*, то эта богословская рамка предваряет и завершает церковное чтение и представляет собой гомилию – жанр, выросший на античной риторике, но приобретший в христианском контексте свою специфику.

Таким образом, можно сказать, что даже отдельные части “*Passio*” не поддаются или не вполне поддаются жанровому определению. Здесь нет ни одного жанра в чистом виде. Это рассказ о себе, но не автобиография; видение, но не апокалиптика; описание исполнения смертного приговора мученикам, но не мученические акты. Этот текст о многом напоминает, но ни с чем не совпадает.

Nova documenta fidei:

Новый Завет как жанровая модель “Passio”

Описанная композиция “*Passio*”, составленного из нескольких книг разного содержания и авторства, неизвестна античной жанровой системе. Античная литература знает сборники однородных произведений разных авторов. Например, сборник эпиграмм,

составленный в I в. до н. э. Мелеагром Гадарским, прирастал еще тысячу лет и достиг размера Палатинской антологии. Собирали вместе труды одного автора, хотя бы и разных жанров, или одного жанра, хотя бы и разных авторов. Эти собрания могут быть как-то упорядочены, как упорядочены поэты, обозначенные цветами, в «Венке» Мелеагра. В классической литературе встречаются аналоги псевдоэпиграфов, созданные разными авторами, но под одним именем, как корпус Феогнида. При этом не только сюжетного, но даже тематического единства такие сборники не достигают. По-видимому, классическая античная литература не знает «документальной книги», посвященной одному событию. Не похожи на состав нашей книги и средневековые подобранные конволюты²³, и сборники житий или актов: например, «Книга житий святых» Димитрия Ростовского или «Золотая легенда» Иакова Ворагинского. Оба собрания имеют своего автора, сколько бы источников ни было в них использовано.

В нашем памятнике только два автора и одновременно героя своих произведений имеют имя – Перпетуя и Сатур. Остальные тексты анонимны, и об их авторстве строились и строятся различные предположения²⁴. В книге участвуют, с нашей точки зрения, еще три автора: произносящий *Пролог* и *Эпилог* проповедник, Рассказчик-Очевидец и еще кто-то, кто, вероятно, добавил к стройной последовательности – *Пролог–Записки–Рассказ очевидца–Эпилог* – Видение Сатура и поясняющие вставки, начиная с представления схваченных катехуменов в гл. 2, которые связали воедино пять текстов четырех авторов: *Пролог–Записки–Видение–Рассказ о страстях–Эпилог*²⁵.

Нам представляется, что в самых первых словах *Пролога* дана характеристика предстоящего чтения: в церкви будут читаться «новые свидетельства веры» (*nova documenta [fidei]*). Они строятся по образцу «древних примеров веры» (*vetera fidei exempla*), которые, по-видимому, отсылают к Новому, а может быть, и Ветхому Завету. Эти примеры «подтверждают милость Божию» (*Dei gratiam testificantia*) и «служат созиданию человека» (*aedificationem hominis operantia*).

²³ Конволюты в допечатную эпоху – это переплетенные или подшитые в один переплет собрания разнородных, разновременных и разножанровых рукописных сочинений на разные темы.

²⁴ Мы обосновали кандидатуру на роль третьего автора и участника событий на арене, завуалированно упомянутого в тексте как *quidem Rusticus* (некий Рустик). Рассказчик и Очевидец, по-видимому, оставил так свою сфрагиду; аргументацию см. в: [Брагинская 2023].

²⁵ Этому посвящена статья [Braginskaya, Lebedev 2023].

Слово *documenta*, конечно, многозначно, но здесь его значение не вызывает затруднений: «документы» веры – свидетельства, доказательства, примеры и образцы. В первых словах Пролога встречаются и *exempla*, и *testificancia*, и *documenta* и говорят об одном и том же – о достоверности сообщаемых событий. А поставленное в этом ряду словосочетание *nova documenta* вызывает в памяти *Novum Testamentum*. Апологет «нового пророчества», а им, несомненно, является проповедник, который предваряет своим словом чтение «документов веры», настаивает и очень экспрессивно на том, что пророчества его современников и мучеников подаются тем же Святым Духом, что и пророчества Библейские, Новозаветные. Его чувству конца времен отвечают Деяния апостолов (2:17–18), которые он цитирует с небольшими отступлениями, причем стихи из Деяний, в свою очередь, опираются на ветхозаветное пророчество Иоилиа (3:1 LXX) о том, что в последние времена дар пророчества получают и молодые, и старые, и рабы, и свободные. «Пусть, – говорит он, – поймут те, кто приписывает единую силу Духа – единого Святого – к определенным временам, что наинедавнее (*novitiora*) нужно ставить выше как самоновейшее (*novissimiora*), потому что преизбыток благодати назначен последнему времени века [сего] (*in ultima saeculi spatia decretam*)» (I, 3). Он живет при этих «наинедавних» событиях и называет их словом, которое выходит за рамки школьной грамматики, с которой он несомненно хорошо знаком: он говорит *novissimiora*, прибавляя к уже превосходной степени *novissima* еще и суффикс сравнительной – *novissimiora*. Тем самым *vetera exempla fidei* и *nova documenta* (подразумевается *documenta fidei*) сопоставлены как Заветы – Ветхий (*Vetus*) и Новый (*Novum*). Это он, проповедник и богослов, называет эти тексты *nova documenta*, сознательно сопоставляет комплекс документов о событиях 203 г. в Карфагене с собранием документов Нового Завета.

Как и составные части наших «Страстей», произведения, входящие ныне в Новый Завет, создавались не в одно время, не одним автором и начали складываться в единый комплекс в последней трети II в., о чем свидетельствует так называемый «канон Муратори». Мы не знаем доподлинно, в каком виде существовало в начале III в. Священное Писание и что было в распоряжении катехизатора Сатура. Возможно, греческие книги, возможно, также латинские переводы, относимые к так называемой *Vetus Latina*.

В корпусе *Vetus Latina* «африканская Библия» представлена во многом цитатами из нашего памятника, а делались ли они *ad hoc* с греческого, или в распоряжении карфагенских христиан уже был латинский Ветхий и Новый Заветы неизвестного

нам состава, сказать затруднительно. Латинская версия Библии только появилась в Северной Африке во времена Тертуллиана. Ириней и Тертуллиан – первые христианские отцы, о которых можно с уверенностью сказать, что они располагали латинским комплектом новозаветных книг. Тертуллиан так или иначе обращается к почти полному составу канонического Нового Завета на греческом: Четыре Евангелия, Деяния и тринадцать посланий Павла, а также Первое Послание Петра, Первое Послание Иоанна и Послание Иуды [Goodspeed 1966, pp. 165–166]. Поэтому предположение о Новом Завете как о целостном собрании текстов, а не отдельных книг, еще не сложившихся вместе, для карфагенских христиан III в. не лишено оснований.

Все христианские тексты обращены к Новому Завету как своему образцу и источнику. Мы могли бы сравнивать вознесение Павла на третье небо (2 Кор 12:1–4) с первым *Видением* Перпетуи и *Видением Сатура*, автобиографические элементы Посланий Павла и других апостолов с *Записками*. Из всех книг Нового Завета «Страсти», судя по всему, больше всего похожи на Деяния Апостолов. Это книга о «великих делах Божьих» (2:11), совершавшихся через учеников Христа, их проповедь и испытания. В Деяниях мы встречаем описание мученической смерти, во время которой Стефану открываются небеса (7:55–56), упоминаются суды (4:5–21: суд Синедриона над апостолами; 18:12–16: Павел на суде у Галлиона; гл. 23–26: Павел на судах Синедриона, Феликса, Феста, Агриппы) и вынесение смертных приговоров (12:1–4: казнь Иакова и заключение под стражу Петра для казни после Пасхи), отвага мучеников (4:18–20), жестокость преследователей (5:33; 21:30–36; 23:12–15 и др.), спонтанное обращение солдат (16:27–34), свидетельства очевидцев (2:32–33; 10:39; 21:1–17 и др.). Все эти элементы присутствуют и в «*Passio*» (описание мученической смерти – XIX, 1 – XXI, 10; видение небесных реалий – IV, 3–10; XI, 1 – XIII, 8; суд и смертный приговор – VI, 1–6; отвага мучеников – VI, 6; XV, 6; XVII, 1–2; XVIII, 1–3, 7–8; XX, 4–7; жестокость преследователей – XVI, 2; XVIII, 9; XXI, 7; обращение солдат – IX, 1; XVI, 4; свидетельства очевидцев – I, 6; II, 3; XVI, 1).

Но наша мысль гораздо проще и очевидней, чем сопоставление с отдельными элементами как античных, так и новозаветных отдельных книг. Возможно, поэтому она не сразу приходит в голову. Новый Завет составлен из сочинений разных авторов, написанных в разное время и сложенных воедино из посвященных одному главному для христиан событию: жизни, смерти и воскресению Христа и рождению Церкви. Ко времени создания нашего «*Passio*» Новый Завет почти полностью сложился как единая «документальная книга».

Это и есть жанровая модель «Страстей Перпетуи и Фелицитаты»²⁶.

О том, каким мыслится использование книги, ее функция, мы можем судить по ее тексту. Автор *Пролога*, подобно авторам соборных посланий Нового Завета, предполагает, что эти тексты читаются в церкви. Функционально он видит эти сочинения предназначенными для использования во время богослужения²⁷. Ж. Ама подчеркивает литургический контекст и выражения *instrumentum Ecclesiae* (I. 5): в поздней латыни это слово описывало различные формы наставления, «инструктирования», особенно с помощью Священного Писания [Amat 1996, p. 191].

А такие тексты, как и послания, надо распространять. И мы видим, что Редактор и Составитель целого своими пояснительными связками придавал собранию текстов вид удобный для передачи за пределы карфагенской общины. Дело в том, что в *Прологе* (как и *Эпilogue*) не упомянут по имени ни один мученик. Перпетуя упоминает только Сатура, и он в ее видении обращается к ней по имени. Если передать этот текст куда-то за пределы карфагенской общины, то читатель долго, пока не дойдет до описания событий на арене, будет недоумевать, а ком идет речь в *Прологе* и *Записках*, где Перпетуя говорит «мы», но не называет союзников, кроме Сатура, а Сатур в *Видении* никого из них, кроме Перпетуи. Поэтому Редактор-Составитель ввел во 2-й главе имена мучеников, кое-что при этом напутав²⁸. Возможно, Редактор добавляет свои пояснения спустя много лет, после гонений середины III в. или даже после

²⁶ Еще Робинсон, автор первого параллельного издания греческого и латинского текстов «Страстей», сравнил “Passio” с многосоставным аллегорическим Пастырем Ермы: повествование от первого лица, видения, имеющие в том числе и личный характер, соединение нескольких разнородных в жанровом и содержательном смысле частей. В Пастыре есть обрамляющий нарратив, а все его Видения и Сравнения включены в нарративную рамку. Однако это сочинение написано одним автором [Виноградов, Дунаев 2008, с. 614], не историческое, и замысел его иной, и претензии иные, и перспектива. Его пристрастие к аллегорезе, пусть и в квазироманной рамке, действительно глядит уже в Средневековье [Robinson 1891, pp. 26–37].

²⁷ К терминам, которые отсылают к литургии в “Passio”, относятся I, 1, 5 (lectione); I, 6 (audivimus... per auditum); XXI, 11 (legere); см.: [Bremmer 2002, p. 80]. Cf.: [Urner 1952, s. 25–42].

²⁸ Мы имеем в виду превращение прозвища Сатурнина Ревокат в имя отдельного мученика Ревоката, который по сей день почитается как святой, см.: [Брагинская 2022], а также некоторые нелогичные перестановки текста там, где *Видение Сатуры* было введено в композицию целого.

нашествия вандалов, не имея уже ни свидетелей, ни достоверной традиции. Во всяком случае, Акты Перпетуи и Фелицитаты, датируемые обычно V в., хотя и сохраняют следы знакомства с нашим “*Passio*”, на историческую достоверность претендовать никак не могут. Таким образом, функционально наше “*Passio*” – литургический текст, подготовленный для распространения. По-видимому, оформление в виде Послания для мариологической литературы естественно. Мы уже сравнивали «Страсти» с Посланиями Игнатия Антиохийского, с Мартирием Поликарпа в виде Послания, с Посланием о Лионских и Вьеннских мучениках²⁹.

Несмотря на заметное влияние “*Passio*” на последующую литературу и изобразительное искусство и распространение почитания Перпетуи и Фелицитаты сначала в западной, а затем и восточной частях империи, композиция «документальной книги» не получила продолжения как жанровый образец. Хотя два исторических карфагенских мученика 259 г. (свв. Луция и Монтана и свв. Мариана и Иакова) использовали образы и даже литературные ходы “*Passio*”, они не смогли позаимствовать ни непосредственности и энергии Перпетуи, ни горячей правдивости Рассказчика-Очевидца, ни простоты литературного мастерства Сатура, ни добросовестности собирателя подлинных документов.

Беспрецедентный для античности жанр можно сопоставить и с полиавторской традицией еврейской письменности, которая проявила себя впоследствии в Талмуде. “*Passio*” предшествует агиографической литературе, но не является ее частью. В жанровом отношении можно считать эту книгу промежуточным звеном между Новым Заветом с примыкающими к нему сочинениями апостольских мужей и будущей агиографией. Несмотря на то что «Страсти» в неразделенной Церкви, а позже скорее в католическом мире были и популярны, и влиятельны³⁰, они остались в жанровом отношении неповторимы, как и Писания мужей апостольских, которые ни вместе, ни по отдельности не привести к какому-либо жанру.

Об этом мы писали в статье о соавторстве с П.Н. Лебедевым [Braginskaya, Lebedev 2023, pp. 248–251].

²⁹ Мысль о мариологическом жанре как послании была высказана Дж. Ладзатти еще в середине XX в. [Lazzati 1956, pp. 1–12].

³⁰ В чем можно убедиться по собранию сравнительно ранних источников в собрании Л.С. Кобб [Cobb 2021].

Литература

- Аверинцев 1997 – *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
- Брагинская 2007 – *Брагинская Н.В.* Эзоп – слугитель муз, или Ошибка бога // Восток и Запад в балканской картине мира: памяти В.Н. Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 98–152.
- Брагинская 2010 – *Брагинская Н.В.* Мировая безвестность // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / отв. ред. Е. Аксер, И.М. Савельева. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 34–62.
- Брагинская 2022 – *Брагинская Н.В.* Сколько сомучеников было у Перпетуи и Фелицитаты? // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* 2022. Т. 18. № 1. С. 48–77.
- Брагинская 2023 – *Брагинская Н.В.* Как звали Рассказчика-Очевидца в “*Passio Perpetuae et Felicitatis?*” // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. 27. № 1. С. 123–148.
- Виноградов, Дунаев 2008 – *Виноградов А.Ю., Дунаев А.Г.* Ерма // Православная энциклопедия. Т. 18. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 612–618.
- Книги Маккавеев 2014 – Книги Маккавеев (Четыре Книги Маккавеев) / пер. с древнегр., введ. и коммент. Н.В. Брагинской, А.Н. Ковалья, А.И. Шманной-Великановой; под общ. ред. Н.В. Брагинской; науч. ред. М. Туваль. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2014. 630 с.
- Крюкова 2013 – *Крюкова А.Н.* Поэтика сновидений в раннехристианской литературе: на материале «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичества Мариана и Иакова» и «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников»: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 181 с.
- Онианс 1999 – *Онианс Р.* На коленях богов: истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 615 с.
- Орлов 2018 – *Орлов А.А.* Зеркала Всевышнего: небесный двойник человека в иудейской апокалиптике / пер. с англ. И.В. Колбутовой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 384 с.
- Орлов 2021 – *Орлов А.А.* Слава Бога Невидимого: предания о двух владычествах на небесах и ранняя христология. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021. 432 с.
- Пантелеев 2017 – Ранние мученичества: Переводы, комментарии, исследования / пер., коммент., вступ. ст., прил. и общ. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. 384 с.
- Разумова 2001 – *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 374 с.
- Сафронов 2016 – *Сафронов Е.В.* Сновидения в традиционной культуре: Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016. 544 с.
- Фрейденберг 1930 – *Фрейденберг О.М.* Евангелие – один из видов греческого романа // Атеист. 1930. № 59, декабрь. С. 129–147 // Электронный

- архив Ольги Михайловны Фрейденберг. URL: <http://freidenberg.ru/Docs/Nauchnyetrudy/Stat'i/Evangelie> (дата обращения 22.03.2023).
- Фрейденберг 1995 – *Фрейденберг О.М.* Вступление к греческому роману / публ. И.А. Протопоповой // Диалог. Карнавал. Хронотоп: журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М. Бахтина. 1995. № 4. С. 78–85.
- Amat 1996 – *Amat J.* *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes.* P.: Les éditions du Cerf, 1996. 318 p.
- Ancient Fiction 1998 – *Ancient fiction and Early Christian narrative* / ed. by R.F. Hock, J.B. Chance, J. Perkins. Atlanta, GA: Scholars Press, 1998. 328 p.
- Ancient Fiction 2005 – *Ancient fiction. The matrix of Early Christian and Jewish narrative?* / ed. by J.-A. Brant, Ch.W. Hedrick, Ch. Shea. Atlanta, GA: Society of Biblical Literature, 2005. 372 p.
- Andersen, Freedman 1983 – *Andersen F.I., Freedman D.N.* *Hosea: a new translation with introduction and commentary.* Garden City; N.Y.: Doubleday, 1983. 699 p.
- Avemarie, van Henten 2002 – *Avemarie F., van Henten J.W.* *Martyrdom and noble death: selected texts from Graeco-Roman, Jewish, and Christian Antiquity.* L.; N.Y.: Routledge, 2002. 200 p.
- Barton 1994 – *Barton C.* *Savage miracles. The redemption of lost honor in Roman society and the sacrament of the gladiator and the martyr* // *Representations.* 1994. Vol. 45. P. 41–71.
- Baslez, Hoffmann, Pernot 1993 – *L'invention de l'autobiographie d'Hésiode à Saint Augustine: Actes du deuxième colloque de l'Equipe de recherche sur l'hellénisme post-classique* / ed. by M.-F. Baslez, P. Hoffmann, L. Pernot. P.: Presses de l'Ecole normale supérieure, 1993. 390 p.
- Bowersock 1995 – *Bowersock G.* *Martyrdom and Rome.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 106 p.
- Boyarin 1999 – *Boyarin D.* *Dying for God. Martyrdom and the making of Christianity and Judaism.* Stanford: Stanford University Press, 1999. 247 p.
- Braginskaya 2002 – *Braginskaya N.V.* *From the marginals to the center: Olga Freidenberg's works on the Greek novel* // *Ancient Narrative.* 2002. Vol. 2. P. 64–86.
- Braginskaya, Lebedev 2023 – *Braginskaya N.V., Lebedev P.N.* *How many co-authors had Perpetua and Saturus?* // *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography.* 2023. Vol. 19. P. 237–255.
- Bremmer 2017 – *Bremmer J.N.* *Maidens, magic and martyrs in early Christianity.* Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 501 p.
- Bremmer, Formisano 2012 – *Bremmer J.N., Formisano M.* *Perpetua's passions. A brief introduction* // *Perpetua's passions. Multidisciplinary approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis* / ed. by J.N. Bremmer, M. Formisano. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 1–13.
- Bremmer 2002 – *Bremmer J.N.* *Perpetua and her diary. Authenticity, family and visions* // *Märtyrer und Märtyrerakten* / Hrsg. von W. Ameling. Stuttgart: Steiner, 2002. P. 77–120.
- Brown 2000 – *Brown P.* *Augustine of Hippo: a biography.* 2nd ed. Berkeley: University of California Press, 2000. 548 p.

- Burrus 2008 – *Burrus V.* Saving shame: martyrs, Saints, and other abject subjects. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 193 p.
- Castelli 2004 – *Castelli E.* Martyrdom and memory: Early Christian culture making. N.Y.: Columbia University Press, 2004. 335 p.
- Cobb 2008 – *Cobb L.S.* Dying to be men: gender and language in Early Christian martyr texts. N.Y.: Columbia University Press, 2008. 208 p.
- Cobb 2021 – The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity / ed. by L.S. Cobb; with transl. by A.S. Jacobs and L.S. Cobb. Oakland, CA: University of California Press, 2021. 362 p.
- Coleman 1990 – *Coleman K.* Fatal charades: Roman executions staged as mythological enactments // The Journal of Roman Studies. 1990. Vol. 80. P. 44–73.
- Edwards 2007 – *Edwards C.* Death in Ancient Rome. New Haven: Yale University Press, 2007. 304 p.
- Ekroth, Nilsson 2018 – Round trip to Hades in the Eastern Mediterranean tradition. Visits to the underworld from Antiquity to Byzantium / ed. by G. Ekroth, I. Nilsson. Leiden; Boston: Brill, 2018. 420 p.
- Elm 2015 – *Elm S.* Apology as autobiography – an episcopal genre? Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, Augustine of Hippo // Spätantiken Konzeptionen von Literatur / Hrsg. von J.R. Stenger. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2015. S. 33–48.
- Goodspeed 1966 – *Goodspeed E.J.* A history of Early Christian literature. Chicago: University of Chicago Press, 1966. 214 p.
- Formisano 2008 – *Formisano M.* La Passione di Perpetua e Felicità. Milano: RCS Libri S.p.A., 2008. 131 p.
- Franchi de' Cavalieri 1900 – *Franchi de' Cavalieri P.* La Passio SS. Mariani et Iacobi. Roma: Tipografia Vaticana, 1900. 71 p.
- Fredriksen 2012 – *Fredriksen P.* The confessions as autobiography // A companion to Augustine / ed. by M. Vessey. Chichester; Malden, MA: WileyBlackwell, 2012. P. 87–98.
- Frend 1967 – *Frend W.H.S.* Martyrdom and persecution in the Early Church: a study of a conflict from the Maccabees to Donatus. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1967. 626 p.
- Frilingos 2004 – *Frilingos Ch.A.* Spectacles of empire: monsters, martyrs, and the book of revelation. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2004. 184 p.
- Futre Pinheiro, Perkins, Pervo 2012 – *Futre Pinheiro M.P., Perkins J., Pervo R.* The Ancient novel and Early Christian and Jewish narrative: fictional intersections. Groningen: Barkhuis Publishing; Groningen University Library, 2012. 230 p.
- Hägg 2012 – *Hägg T.* The art of biography in Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 496 p.
- Harker 2009 – *Harker A.* Loyalty and dissidence in Roman Egypt. The case of the Acta Alexandrinorum. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 256 p.
- Heffernan 2012 – *Heffernan T.J.* The Passion of Perpetua and Felicity. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 592 p.

- Himmelfarb 1993 – *Himmelfarb M.* Ascent to Heaven in Jewish and Christian Apocalypses. Oxford: Oxford University Press, 1993. 171 p.
- Hopkins 1999 – *Hopkins K.* A World full of Gods: Pagans, Jews and Christians in the Roman Empire. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1999. 402 p.
- Huebner 2019 – *Huebner S.* Soter, Sotas, and Dioscorus before the governor. The first authentic court record of a Roman trial of Christians? // *Journal of Late Antiquity*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 2–24.
- Insley, Saint-Laurent 2018 – *Insley S., Saint-Laurent J.-N.M.* Biography, autobiography, and hagiography // *A companion to Late Antique literature* / ed. by S. McGill, E.J. Watts. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2018. P. 373–387.
- Kelley 2006 – *Kelley N.* Philosophy as training for death: reading the Ancient martyr acts as spiritual exercises // *Church History*. 2006. Vol. 75. P. 723–747.
- Kitzler 2015 – *Kitzler P.* From *Passio Perpetuae* to *Acta Perpetuae*. Recontextualizing a martyr story in the literature of the Early Church. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2015. 159 p.
- Kyle 1998 – *Kyle D.G.* Spectacles of death in Ancient Rome. N.Y.: Routledge, 1998. 195 p.
- Lazzati 1956 – *Lazzati G.* Gli sviluppi della letteratura sui martiri nei primi quattro secoli. Torino: Societa Editrice Internazionale, 1956. 213 p.
- Marasco 2011 – *Marasco G.* Political autobiographies and memoirs in Antiquity: A Brill Companion. Leiden: Brill, 2011. 461 p.
- McGuckin 2001 – *McGuckin J.A.* Autobiography as apologia in St. Gregory Nazianzen // *Studia patristica*. 2001. Vol. 37. P. 160–177.
- Middleton 2006 – *Middleton P.* Radical martyrdom and cosmic conflict in Early Christianity. L.: T&T Clark, 2006. 224 p.
- Misch 1951 – *Misch G.* A history of autobiography in Antiquity. 2 vols. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. 706 p.
- Momigliano 1993 – *Momigliano A.* The development of Greek biography. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 143 p.
- Moss 2010 – *Moss C.* The other Christs: imitating Jesus in Ancient Christian ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2010. 315 p.
- Musurillo 1954 – *Musurillo H.A.* The acts of the Pagan martyrs. *Acta Alexandrinorum*. Oxford: Oxford University Press, 1954. 299 p.
- Musurillo 1972 – *Musurillo H.A.* The acts of the Christian martyrs. Oxford: Clarendon Press, 1972. 379 p.
- Niggel 2005 – *Niggel G.* Zur Theorie der Autobiographie // *Antike Autobiographien: Werke, Epochen, Gattungen* / Hrsg. von M. Reichel. Cologne: Böhlau, 2005. S. 1–13.
- O'Donnell 1992 – *O'Donnell J.* Augustine: Confessions. 3 vols. N.Y.: Oxford University Press, 1992. 1170 p.
- O'Donnell 2005 – *O'Donnell J.* Augustine: a new biography. N.Y.: Ecco, 2005. 399 p.
- Perkins 1995 – *Perkins J.* The suffering Self: pain and narrative representation in the Early Christian era. L.: Routledge, 1995. 254 p.
- Quinn 2002 – *Quinn J.M.* A companion to the Confessions of St. Augustine. N.Y.: P. Lang, 2002. 967 p.

- Recla 2014 – *Recla M.* Autothanatos: the martyr's self-formation // Journal of the American Academy of Religion. 2014. Vol. 82. No. 2. P. 472–494.
- Reichel 2005 – *Antike Autobiographien: Werke, Epochen, Gattungen* / Hrsg. von M. Reichel. Cologne: Böhlau, 2005. 285 S.
- Robinson 1891 – *Robinson J.A.* The Passion of St. Perpetua. Cambridge: Cambridge University Press, 1891. 131 p.
- Scott 2010 – *Scott J.M.* Небесное восхождение в иудейской и языческой традициях // Словарь Нового Завета. Т. 2: Мир Нового Завета / под ред. К. Эванса, Р. Мартина, Д. Рейда. М.: ББИ, 2010. С. 487–490.
- Shaw 2020 – *Shaw B.D.* Doing it in Greek. Translating Perpetua // Studies in Late Antiquity. Vol. 4. No. 3. P. 309–345.
- Söder 1932 – *Söder R.* Die apokryphen Apostelgeschichten und die Romanhafte Literatur der Antike. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1932. 216 S.
- Thompson 2002 – *Thompson L.L.* The martyrdom of Polycarp: death in the Roman games // The Journal of Religion. 2002. Vol. 82. P. 27–52.
- Uerner 1952 – *Uerner H.* Die außerbiblische Lesung im christlichen Gottesdienst. Ihre Vorgeschichte und Geschichte bis zur Zeit Augustins. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1952. 80 S.
- van Henten 1986 – *Henten J.W., van.* Datierung und Herkunft des Vierten Makkabäerbuches // Tradition and Re-interpretation in Jewish and Early Christian Literature: Essays in Honour of Jürgen C.H. Lebram / Hrsg. von J.W. van Henten et al. Leiden: Brill, 1986. P. 136–149.
- van Henten 1993 – *Henten J.W., van.* Zum Einfluss jüdischer Martyrien auf die Literatur des frühen Christentums, II. Die Apostolischen Väter // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. T. 2. Principat. Bd. 27: Religion, Tbd. 1 / Hrsg. von W. Haase. Berlin: W. de Gruyter, 1993. S. 700–723.
- van Henten 1997 – *Henten J.W., van.* The Maccabean martyrs as saviours of the Jewish people: a study of 2 and 4 Maccabees. Leiden; N.Y.; Köln: Brill, 1997. 346 p.
- Vessey 2012 – A companion to Augustine / Ed. by M. Vessey. Chichester; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. 595 p.
- Warwick 2018 – *Warwick C.* Christian martyr as homeric hero: a literary allusion in Perpetua's Passio // The Classical Journal. 2018. Vol. 114. No. 1. P. 86–109.
- Wills 1997 – *Wills L.M.* The quest of the historical Gospel: Mark, John and the origin of the Gospel genre. L.; N.Y.: Routledge, 1997. 296 p.
- Young 2001 – *Young R.D.* In procession before the world: martyrdom as public liturgy in Early Christianity. Milwaukee: Marquette University Press, 2001. 70 p.

References

- Amat, J. (1996), *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes*, Les éditions du Cerf, Paris, France.

- Brant, J.-A., Hedrick, Ch.W. and Shea, Ch., eds. (2005), *Ancient fiction. The matrix of Early Christian and Jewish narrative?* Society of Biblical Literature, Atlanta, GA, USA.
- Hock, R.F., Chance, J.B. and Perkins, J., eds. (1998), *Ancient fiction and Early Christian narrative*, Scholars Press, Atlanta, GA, USA.
- Andersen, F.I. and Freedman, D.N. (1983), *Hosea: a new translation with introduction and commentary*, Doubleday, Garden City, New York, USA.
- Avemarie, F., and van Henten, J.W. (2002), *Martyrdom and noble death: selected texts from Graeco-Roman, Jewish, and Christian Antiquity (The context of early Christianity)*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Averintsev, S.S. (1997), *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine literature], Coda, Moscow, Russia.
- Barton, C. (1994), "Savage miracles. The redemption of lost honor in Roman society and the sacrament of the gladiator and the martyr", *Representations*, vol. 45, pp. 41–71.
- Baslez, M.-F., Hoffmann, P. and Pernot, L., eds. (1993), *L'invention de l'autobiographie d'Hésiode à Saint Augustine: Actes du deuxième colloque de l'Equipe de recherche sur l'hellénisme post-classique*, Presses de l'Ecole normale supérieure, Paris, France.
- Bowersock, G. (1995), *Martyrdom and Rome*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Boyarin, D. (1999), *Dying for God. Martyrdom and the making of Christianity and Judaism*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Braginskaia, N.V. (2002), "From the marginals to the center: Olga Freidenberg's works on the Greek novel", *Ancient Narrative*, vol. 2, pp. 64–86.
- Braginskaya, N.V. (2007), "Ezop – sluzhitel' muz, ili Oshibka boga" [Aesop – the servant of muses, or The mistake of God] in *Vostok i Zapad v balkanskoi kartine mira: pamyati V.N. Toporova* [East and West in the Balkan picture of the world: in memory of V.N. Toporov], Indrik, Moscow, Russia, pp. 98–152.
- Braginskaya, N.V. (2010), "Mirovaya bezvestnost'" [Worldwide unknownness], in *Natsional'naya gumanitarnaya nauka v mirovom kontekste: opyt Rossii i Pol'shi* [National humanitarian science in the world context: the experience of Russia and Poland], GU-VShE, Moscow, Russia, pp. 34–62.
- Braginskaya, N.V. (2022), "Skol'ko somuchenikov bylo u Perpetui i Felitsity?" [How many Co-martyrs did Perpetua and Felicitata have?], *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, vol. 18, no. 1, pp. 48–77.
- Braginskaya, N.V. (2023), "Kak zvali Rasskazchika-ochevidtsa v 'Passio Perpetuae et Felicitatis?'" [What was the name of Eyewitness Narrator in "Passio Perpetuae et Felicitatis?"]], in *Indoeyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya*, vol. 27, no. 1, pp. 123–148.
- Braginskaya, N.V. and Lebedev, P.N. (2023), "How many co-authors had Perpetua and Satorus?", *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*, 2023, vol. 19, pp. 237–255.
- Bremmer, J.N. (2017), *Maidens, magic and martyrs in early Christianity*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.

- Bremmer, J.N., Formisano, M. (2012), "Perpetua's passions. A brief introduction" in Bremmer, J.N. and Formisano, M., eds., *Perpetua's passions. Multidisciplinary approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 1–13.
- Bremmer, J.N. (2002), "Perpetua and her diary. Authenticity, family and visions" in Ameling, W. (ed.), *Märtyrer und Märtyrerakten, Altertumswissenschaftliches Kolloquium 6*, Steiner, Stuttgart, Germany, pp. 77–120.
- Brown, P. (2000), *Augustine of Hippo: a biography*, 2nd ed., University of California Press, Berkeley, USA.
- Burrus, V. (2008), *Saving shame: martyrs, saints, and other abject subjects*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.
- Castelli, E. (2004), *Martyrdom and memory: Early Christian culture making*, Columbia University Press, New York, USA.
- Cobb, L.S. (2008), *Dying to be men: gender and language in Early Christian martyr texts*, Columbia University press, New York, USA.
- Cobb, L.S., ed. (2021), *The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity*, with translations by A.S. Jacobs, L.S. Cobb, University of California Press, Oakland, CA, USA.
- Coleman, K. (1990), "Fatal charades: Roman executions staged as mythological enactments", *The Journal of Roman Studies*, vol. 80, pp. 44–73.
- Edwards, C. (2007), *Death in Ancient Rome*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Ekroth, G. and Nilsson, I., (eds.), (2018), *Round trip to Hades in the Eastern Mediterranean tradition. Visits to the underworld from Antiquity to Byzantium*, Brill, Leiden, Boston, Netherlands, USA.
- Elm, S. (2015), "Apology as autobiography – an episcopal genre? Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, Augustine of Hippo" in Stenger, J.R. (ed.), *Spätantiken Konzeptionen von Literatur*, Universitätsverlag Winter, Heidelberg, Germany, pp. 33–48.
- Formisano, M. (2008), *La Passione di Perpetua e Felicità*, RCS Libri S.p.A., Milano, Italy.
- Franchi de' Cavalieri, P. (1900), *La Passio SS. Mariani et Iacobi*, Tipografia Vaticana, Roma, Italy.
- Fredriksen, P. (2012), "The confessions as autobiography" in Vessey, M. (ed.) *A companion to Augustine*, WileyBlackwell, Chichester, UK, Malden, MA, USA, pp. 87–98.
- Freidenberg, O.M. (1930), "Gospel – one of the types of the Greek novel", Ateist, no. 59, December, pp. 129–147, in *Elektronnyi arkhiv Ol'gi Mikhailovny Freidenberg* [Electronic archive of Olga Mikhailovna Freidenberg], available at: <http://freidenberg.ru/Docs/Nauchnyetrudy/Stat'i/Evangelie> (Accessed 22 March 2023).
- Freidenberg, O.M. (1995), "Introduction to the Greek novel", in Protopopova, I.A., publ., *Dialog. Karnaval. Khronotop: zhurnal nauchnykh razyskaniy o biografii, teoreticheskoy nasledii i epokhe M.M. Bakhtina* [Dialogue. Carnival. Chronotope: a journal of scientific enquiries into the biography, theoretical heritage and epoch of M.M. Bakhtin], vol. 4, pp. 78–85.

- Freund, W.H.S. (1967), *Martyrdom and persecution in the Early Church: a study of a conflict from the Maccabees to Donatus*, Doubleday, Garden City, New York, USA.
- Frilingos, Ch.A. (2004), *Spectacles of empire: monsters, martyrs, and the book of revelation*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, USA.
- Futre Pinheiro, M.P., Perkins, J. and Pervo, R. (2012), *The Ancient novel and Early Christian and Jewish narrative: fictional intersections*, Barkhuis Publishing, Groningen University Library, Groningen, Netherlands.
- Goodspeed, E.J. (1966), *A history of Early Christian literature*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Hägg, T. (2012), *The art of biography in Antiquity*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Harker, A. (2009), *Loyalty and dissidence in Roman Egypt. The case of the Acta Alexandrinorum*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Heffernan, T.J. (2012), *The Passion of Perpetua and Felicity*, Oxford University Press, New York, USA.
- Himmelfarb, M. (1993), *Ascent to Heaven in Jewish and Christian Apocalypses*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Hopkins, K. (1999), *World full of Gods: Pagans, Jews and Christians in the Roman Empire*, Weidenfeld & Nicolson, London, UK.
- Huebner, S. (2019), “Soter, Sotas, and Dioscorus before the governor. The first authentic court record of a Roman trial of Christians?”, *Journal of Late Antiquity*, vol. 12, no. 1, pp. 2–24.
- Insley, S. and Saint-Laurent, J.-N.M. (2018), “Biography, autobiography, and hagiography” in McGill, S. and Watts, E.J., eds., *A companion to Late Antique literature*, Wiley-Blackwell, Hoboken, USA, pp. 373–387.
- Kelley, N. (2006), “Philosophy as training for death: reading the Ancient martyr acts as spiritual exercises”, *Church History*, vol. 75, pp. 723–747.
- Kitzler, P. (2015), *From Passio Perpetuae to Acta Perpetuae. Recontextualizing a martyr story in the literature of the Early Church*, De Gruyter, Berlin, Boston, Germany, USA.
- Braginskaya, N.V., ed. (2014), *Knigi Makkaveyev (Chetyre Knigi Makkaveyev)* [Books of the Maccabees (Four books of the Maccabees)], transl. from Ancient Greek, introduction and comments by N.V. Braginskaya, A.N. Koval, A.I. Shmaina-Velikanova; scientific editor M. Tuval, Mosty kul'tury/Gesharim, Moscow, Russia.
- Kryukova, A. (2013), “*Poetika snovidenii v rannekhristsianskoi literature: na materiale 'Muchenichestva Perpetui i Felitsitaty', 'Muchenichestva Mariana i Iakova' i 'Muchenichestva Montana, Lutsiya, Flaviana i drugikh muchenikov'*” [The poetics of dreams in Early Christian literature: on the base of the Passion of Perpetua and Felicity, the Martyrdom of Marian and James, and the Martyrdom of Montanus, Lucius, Flavian and others], Ph.D. Thesis (Philology), MGU, Moscow, Russia.
- Kyle, D.G. (1990), *Spectacles of death in Ancient Rome*, Routledge, New York, USA.

- Lazzati, G. (1956), *Gli sviluppi della letteratura sui martiri nei primi quattro secoli*, Societa Editrice Internazionale, Torino, Italy.
- Marasco, G. (2011), *Political autobiographies and memoirs in Antiquity: A Brill Companion*, Brill, Leiden, Netherlands.
- McGuckin, J.A. (2001), "Autobiography as apologia in St. Gregory Nazianzen", *Studia patristica*, vol. 37, pp. 160–177.
- Middleton, P. (2006), *Radical martyrdom and cosmic conflict in Early Christianity*, T&T Clark, London, UK.
- Misch, G. (1951), *A history of autobiography in Antiquity*, in 2 vols., Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Momigliano, A. (1993), *The development of Greek biography*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Moss, C. (2010), *The other Christs: imitating Jesus in Ancient Christian ideologies*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Musurillo, H.A. (1954), *The acts of the Pagan martyrs*. Acta Alexandrinorum, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Musurillo, H.A. (1972), *The acts of the Christian martyrs*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Niggel, G. (2005), "Zur Theorie der Autobiographie" in Reichel, M., ed., *Antike Autobiographien: Werke, Epochen, Gattungen*, Böhlau, Cologne, Germany, pp. 1–13.
- O'Donnell, J. (1992), *Augustine: Confessions*, Oxford University Press, New York, USA.
- O'Donnell, J. (2005), *Augustine: a new biography*, Ecco, New York, USA.
- Onians, R. (1999), *Na kolenyakh bogov. Istoki evropeiskoi mysli o dushe, razume, tele, vremeni, mire i sud'be* [On the laps of the Gods. The origins of European thought on the soul, mind, body, time, world and fate], Progress-Tradition, Moscow, Russia.
- Orlov, A.A. (2018), *Zerkala Vsevyshnego: Nebesnyi dvoynik cheloveka v iudeiskoi apokaliptike* [Mirrors of the Most High: The Heavenly counterpart of a man in the Jewish apocalyptic], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Saint Petersburg, Russia.
- Orlov, A.A. (2021) *Slava Boga Nevidimogo: Predaniya o dvukh vladychestvakh na nebesakh i ranneya khristologiya* [Glory of the Invisible God: traditions about two dominions in the heavens and early Christology], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Saint Petersburg, Russia.
- Panteleev, A.D., ed. (2017), *Rannie muchenichestva: Perevody, kommentarii, issledovaniya* [Early Martyrdom. Translations, comments, studies], Gumanitarnaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.
- Perkins, J. (1995), *The suffering Self: pain and narrative representation in the Early Christian era*, Routledge, London, UK.
- Quinn, J.M. (2002), *A companion to the Confessions of St. Augustine*, P. Lang, New York, USA.
- Razumova, I.A. (2001), *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriya* [Secret knowledge of the modern Russian family: Everyday life. Folklore. History], Indrik, Moscow, Russia.

- Recla, M. (2014), "Autothanatos: the martyr's self-formation", *Journal of the American Academy of Religion*, vol. 82, no. 2, pp. 472–494.
- Reichel, M., ed. (2005), *Antike Autobiographien: Werke, Epochen, Gattungen*, Böhlau, Cologne, Germany.
- Robinson, J.A. (1891), *The Passion of St. Perpetua*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Safronov, E.V. (2016), *Snovideniya v traditsionnoi kul'ture: Issledovanie i teksty* [Dreams in traditional culture: research and texts], Labirint, Moscow, Russia.
- Scott, J.M. (2010), "Heavenly ascent in Jewish and pagan traditions", in *Slovar' Novogo Zaveta. T. 2: Mir Novogo Zaveta* [Dictionary of the New Testament, vol. 2: The world of the New Testament], BBI, Moscow, Russia, pp. 487–490.
- Shaw, B.D. (2020), "Doing it in Greek. Translating Perpetua", *Studies in Late Antiquity*, vol. 4, no. 3, pp. 309–345.
- Söder R. (1932), *Die apokryphen Apostelgeschichten und die Romanhafte Literatur der Antike*, W. Kohlhammer, Stuttgart, Germany.
- Thompson, L.L. (2002), "The martyrdom of Polycarp: death in the Roman games", *The Journal of Religion*, vol. 82, pp. 27–52.
- Urner, H. (1952), *Die außerbiblische Lesung im christlichen Gottesdienst. Ihre Vorgeschichte und Geschichte bis zur Zeit Augustins*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- van Henten, J.W. (1986), "Datierung und Herkunft des Vierten Makkabäerbuches" in Henten, J.W., van et al. (eds.), *Tradition and Re-interpretation in Jewish and Early Christian Literature: Essays in Honour of Jürgen C. H. Lebram*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 136–149.
- van Henten, J.W. (1993), "Zum Einfluss jüdischer Martyrien auf die Literatur des frühen Christentums, II. Die Apostolischen Väter" in Haase, W., ed., *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. T. 2. Principat. Bd. 27: Religion, Tbd. 1*, W. de Gruyter, Berlin, Germany, pp. 700–723.
- van Henten, J.W. (1997), *The Maccabean martyrs as saviours of the Jewish people: a study of 2 and 4 Maccabees*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Vessey, M., ed. (2012), *A companion to Augustine*, Wiley-Blackwell, Chichester, UK.
- Warwick, C. (2018), "Christian martyr as homeric hero: a literary allusion in Perpetua's *Passio*", *The Classical Journal*, vol. 114, no. 1, pp. 86–109.
- Wills, L.M. (1997), *The quest of the historical Gospel: Mark, John and the origin of the Gospel genre*, Routledge, London, UK.
- Young, R.D. (2001), *In procession before the world: martyrdom as public liturgy in Early Christianity*, Marquette University Press, Milwaukee, USA.
- Vinogradov, A.Yu. and Dunayev, A.G. (2008), "Hermas", in *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia], vol. 18, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya", Moscow, Russia, pp. 612–618.

Информация об авторе

Нина В. Брагинская, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1; *1satissuperque@gmail.com*

Сергей Н. Давидоглу, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Институт перевода Библии, Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Андреевская наб., д. 2; *mail@davidoglu.ru*

Information about the author

Nina V. Braginskaya, Dr. of Sci. (History), professor, HSE University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 105066; *1satissuperque@gmail.com*

Sergei N. Davidoglu, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Institute for Bible Translation, Moscow, Russia; 2, Andreyevskaya Emb., Moscow, Russia, 101000; *mail@davidoglu.ru*